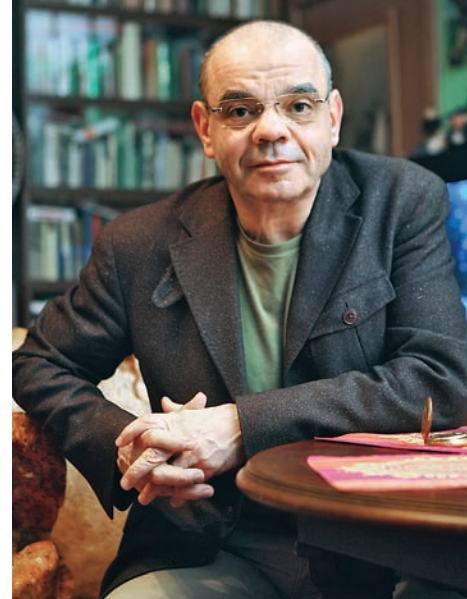

ЧАСОВОЙ МЕЧТАТЕЛЬ О НАСЛЕДСТВЕННОМ «КАРМАННИКЕ» КОНСТАНТИН РАЙКИН

ДМИТРИЙ ПЕКАРИ

РИА НОВОСТИ

— Один из домашних «карманников». Часы с подписью Henry произведены в 1899 году в швейцарском городе Туне

Увлечение часами у меня, видимо, наследственное. У папы было очень много часов дома. И они были все с боем! Он не жалел времени на то, чтобы их заводить, они не просто стояли как украшение, они все били. Каждые по-своему и даже не всегда разом. Можно было сойти с ума — они шли не синхронно, и поэтому отбивали время вразнобой. Были громадные старинные часы, были каретные, в футляре. Были часы с музыкальной шкатулкой, которые играли каждый день недели разную мелодию. У них, увы, был склероз, как у старого музыканта, они сбоили, шипели, не было уже ни ритма, ни мелодии. Но папа наслаждался их хрипом и очень огорчался, когда они не звучали. А я их сразу выключал, как только родители уходили из дома, потому что перенести их музыку было на

самом деле невозможно. Не скажешь же им: настройте инструмент, прекратите фальшивить.

Но были в нашем доме и часы, которыми действительно можно гордиться, — карманные часы, подписанные Patek Philippe. Все знают, что это, может быть, самая главная марка на свете. Я их помню с детства. Работают они идеально. Они в двойном футляре, очень небольшие, золотые, но тоже с боем, там выгравированы какие-то медали, которые эта марка некогда получала. Сейчас, в эпоху наручных часов, карманные выглядят особенно внушительно, недаром их стали вешать на ремень и превращать в наручные. Словом, совершенно замечательная вещь, но я никогда не задумывался о ее стоимости.

И вот как-то мне в руки попался каталог Sotheby's, я его проглядывал — и вдруг увидел часы, абсолютно, как две капли воды похожие на те, наши, карманные. Я решил все-таки их оценить. Мне посоветовали знатока, довольно известного в своем цехе человека. Он взял в руки часы, повертел их перед глазами и с важным видом сказал: да, это хорошие часы, долларов двести стоят. Я раскрыл рот, потом закрыл его и ушел. Конечно, это был наглый обман. Потому что те, часы-близнецы, на Sotheby's ушли в конце концов за £499 тыс. Так что они остались в семье, и я этому только рад. Вероятно, ничего подобного я себе не куплю, но почему бы не помечтать. Со стороны может показаться, что это какой-то фетишизм — рассматривать часы просто для удовольствия. Потому что покупаю я очень редко. А покупаю редко потому, что нравится мне обычно то, что я никогда в жизни не куплю — хорошие часы стоят ужасно дорого. Мой вкус уже давно стал гораздо выше моих возможностей, и совпадают они редко.

Я часто хожу по магазинам, где продаются самые дорогие часы, я прошу мне их показать, внимательно рассматриваю. Трачу на это свободное время, которого вообще-то нет, особенно в Москве, обнаруживается оно в основном на гастролях. А в поездках всегда появляется какое-то пустое утро. Прихожу в каком-нибудь Франкфурте-на-Майне в очень хороший часовой магазин и ухитряюсь назвать какую-то такую редкую, но известную фирму. Они сразу начинают меня обхаживать, предлагать что-то другое, приносят какие-то прекрасные модели, я их долго примеряю, облюбовываю — и не покупаю. Но в эти минуты отвлекаюсь от всего остального! Мужские игрушки, конечно. Лишь однажды я не устоял. У меня теперь есть часы Dubey & Schaldenbrand. Как и полагается швейцарским часам, за ними легенда о мануфактуре, на которой работает всего 50 человек, все сделано руками, в тишине, которую нарушают только коровы бубенчики. Несколько лет назад я сделал сам себе такой подарок. Когда покупал, вокруг меня прямо танцевали продавцы, поили какими-то коньяками, меняли экземпляры, потому что хозяйке салона вдруг не понравилась, как работала какая-то кнопка... Зато теперь мои часы меня радуют ежедневно — они идеально ходят, у них гильошенированный циферблат, кроме того, это ограниченная серия, вот у меня номер 800, а всего их 900, насколько я знаю. Это часы-хронограф, и я пользуюсь ими на репетициях, чтобы понять, сколько времени идет та или иная сцена в спектакле и не нужно ли что-то поджать, сократить. Но это часы не вечерние, поэтому перед выходом на сцену я их обычно снимаю: они слишком большие, не помещаются в рубашку. Так что я уже давно собираюсь купить себе вечерние часы.

Часы — это тема, на которой я отдыхаю от всего остального в жизни. У меня на столе всегда лежат каталоги самых знаменитых марок. Я знаю, что всех их я никогда в жизни не куплю. Но смотрю, забыв про время. Обычно я говорю, что я по характеру не мечтатель. Так вот часы — это единственная область в жизни, где я мечтатель.

Записал Роман Должанский